

8. ^Ои же. Изучайте свой край!: Ко всем, кто интересуется местным краем и его изучением // Советская правда (Челябинск). 1923. 12 января.
9. ОГАЧО, Ф. Р-634, Оп. 1, Д. 3, Л. 1-2.
10. Там же, Л. 34 об.
11. Там же, Л. 36, 86; Д. 11, Л. 7 об.-9.
12. Материалы по изучению Челябинского округа Уральской области. Челябинск, 1929. Вып. 1, 2; Полезные ископаемые Челябинского округа. Челябинск, 1930; Сборник материалов по изучению Челябинского округа / Ред. И.Г. Горохов и др. Челябинск, 1927. Кн. 1.
13. ОГАЧО, Ф. Р-634, Оп. 1, Д. 3, Л. 97-97 об.
14. Там же, Л. 97 об.
15. Горохов И.Г. Первая годовщина музея местного края // Советская правда. 1924. 1 июля; ОГАЧО, Ф. Р-627, Оп. 3, Д. 286, Л. 21 об.; Д. 293, Л. 34 об.; Ф. Р-634, Оп. 1, Д. 11, Л. 13 об.
16. ^{Горохов И.Г.}Музей местного края // Советская правда. 1923. 28 ноября; ОГАЧО, Ф. Р-627, Оп. 3, Д. 289, Л. 6; Д. 302, Л. 11 об.
17. ^{Горохов И.Г.}Музей местного края...
18. ОГАЧО, Ф. Р-627, Оп. 3, Д. 322, Л. 44 об.
19. Там же, Д. 348, Л. 6.
20. Там же, Д. 314, Л. 16.

В.С. Белоглазова
Екатеринбург

ЭСКАПИЗМ КАК ПРИНЦИП, ИЛИ МИФ О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ. О КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

Часто приходится наблюдать, как одним и тем же словом называют разные явления и спорят об этом с пеной у рта. Именно такая судьба постигла понятие «культура». Под словом «культура, культурный» можно подразумевать совершенно разные вещи - их понимание во многом зависит от уровня образования и интеллектуальных запросов рассуждающих, а также от целей, задач и контекста разговора. В разговоре с большинством носителей русского языка можно выяснить, что «культура» - это некий константный комплекс действий, превращенных в ритуал, совершаемый индивидом в течении жизни, возникающий в процессе воспитания, противопоставленный как осуществлению биологических потребностей, так и массовому сознанию и любым изменениям устоявшихся канонов. Есть и другое, менее употребляемое понятие, также называемое «культурой». «Культура» - как вторая реальность, создаваемая человеком вокруг себя, вырывающая нас из природного континуума, абстрагирующее от него, кастанедовское «описание мира». Словарь Ожегова описывает ее как этакый конструктор: «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей». При очевидности соотношения двух понятий «культура» как частного к общему в реальной речи одно из них, чаще общее (частное тоже случается, но реже), или игнорируется говорящим, или противопоставляется другому. Люди, пользующиеся словом «культура» в быту, верят в необходимость ее консервации и в чудо приобщения к ней, для них использование сложившихся культурных алгоритмов разделяет «своих» и «чужих». Именно они создают социальные институты, предназначенные для хранения и трансляции своей системы ценностей: школы, официальные союзы деятелей культуры, школы, библиотеки и музеи.

Да, именно в этом парадокс существования современного музея. Этот исторически сложившийся культурно-социальный институт создается как средство коллективной памяти, т.е. для сохранения, систематизации и изучения сложившихся культурных феноменов; понятие «культура» используется во втором, общем, терминологическом значении, оно лишено оттенка оценочности, дидактичности, нормативности и не нуждается в обязательной трансляции. По сути дела, истинный музей - это музей для ученых, небольшого количества любителей редкостей-древностей и

любопытных. Таким он и возник в начале Нового времени. Однако, человек – существо целеполагающее. Говорящему мало именовать объект; отныне все имеет свое назначение, естественное детское, почти совершенно игровое, любопытство ученого вынуждено наделяться дидактическим пафосом. Изучение культуры становится прикладным. Ведя диалог с посетителем музея, музейный работник часто апеллирует к обиходному представлению о культуре, оставляя в стороне общий взгляд.

Но и хранители музейных объектов попадают в ту же ловушку целеполагания. Коль скоро мы отбираем и сохраняем культурные феномены, то можем и реконструировать среду их бытования – историческую, этнографическую или субкультурную. Но реконструкция – абстрактное построение, требующее соблюдения фактологической точности, в то время как, номинируя культурные объекты, говорящий создает их мифологические двойники (миф как вторичная семиологическая система, надстроенная над языком-объектом, метаязык), реконструируя, мы имеем дело не с реальным предметом, но уже с его описанием и из этих описаний воссоздаем мифологическую среду бытования наших культурных феноменов, еще один культурный феномен.

Так называемый Миф о Золотом веке очень стар, распространен в любое время и любого народа и источник его тот же – подмена фактологической реконструкции индивидуальной или коллективной памяти реконструкцией мифологической, необходимость создания виртуальной модели идеального мироустройства. Этот миф проникнут дидактическим пафосом и является одним из механизмов трансляции традиционной культуры. Именно такой феномен и возникает в процессе сохранения музейных объектов. Теперь музейное собрание наделяется не только когнитивным, но и аксиологическим значением, музейный работник наделяется функцией учителя, проповедника вечных ценностей, которые, согласно своей мифологической сущности, противостоят изменяющемуся миру и обществу. Миф о Золотом веке возникает при первых признаках распада традиционных культур и его развитие коррелируется с их дальнейшим разрушением, более того, закон феноменальной множественности позволяет возникать нескольким идентичным мифологическим моделям. При фактическом падении традиционной культуры рано или поздно наступает момент расхождения этих моделей и возникновения на их основе субкультур эскапистского толка. Выходя к посетителю с позицией проповедника идеального мироустройства, «истинной культуры», «вечных ценностей», хранитель музейных объектов рискует продемонстрировать свою непричастность общему культурному процессу, противостояние ему и, таким образом, остаться непонятым как непосредственным участником культурного «мейнстрима», так и представителем другой субкультуры.

В чем видит выход работник современного музея? «Сейчас же происходит изменение в оценке работы музея, монолог постепенно заменяется диалогом. В роли первого субъекта общения, выступает музейный работник, в роли второго субъекта – воспринимающая музей аудитория, а музейному собранию отводится роль посредника. Музей переориентируется на дополнительный образовательный центр с досугово-просветительскими задачами. Музей недалекого будущего представляется активно взаимодействующим с другими общественными институтами, в первую очередь с дошкольными и школьными учреждениями.» То есть мы, не желая осознавать оторванность сложившихся музейных методов от общекультурных процессов, ищем компромисс между реализацией нашего

дидактического пафоса и созданием узнаваемого бренда на рынке образовательных услуг; потребитель желает осваивать с нашей помощью культурные алгоритмы, что как бы не противоречит решению благородных просветительских задач.

Союз музея именно с образовательными учреждениями не случаен; налицо общность просветительских задач, сходство методов культурной трансляции, общая возрастная аудитория, сходный мотив потребления сохраненного знания, картина мира составляется путем накопления информации. При всей очевидной закономерности и пользе такого союза, именно он (союз) выявляет общие недостатки системы культурной трансляции, которой принадлежит и музей. Во-первых, культуртрегерство и односторонность, младший, ученик, рассматривается как «чистый лист», просвещение всегда идет от старшего к младшему, его успех - полное усвоение и воспроизводство культурных алгоритмов. Во-вторых, как раз поддержание мифа о Золотом веке, культурные нормы законсервированы, их использование часто лишено мотивации в современном мире. И, в-третьих, идея просвещения опирается на представление о более развитой, образованной элите и «темной» массе, множественность равноценных культурных феноменов отрицается. Ориентируя работу музея на досугово-просветительскую деятельность, мы рискуем остаться в стороне от глобальных культурных процессов и потерять огромную аудиторию молодых людей в возрасте от 13 до 45 лет (примерно), непосредственно принимающих участие в культурообразующей деятельности. И это, на мой взгляд, самая серьезная проблема современного классического музея. Чтобы разобратся в ней, неплохо бы присмотреться к процессам, происходящим в среде городской молодежи постиндустриального общества.

Облик современной культуры определяется, прежде всего, усиливающейся интеграцией различных культурных конфигураций в единое культурное целое, которое следует обозначать как «мировая культура», современные панкультурные процессы, которые ранее было принято относить к «научной фантастике», явно преодолевают рамки нормальной культурной диффузии. Локальные социокультурные системы, продолжающие «цепляться» за собственную социокультурную «самобытность», постепенно отказываются от нее, либо вынуждены замыкаться в собственном социокультурном пространстве, что становится, со временем, все сложнее. Коммуникативные процессы глобального характера становятся элементом обыденной культуры современного человека. Огромную роль в современной культурной идеологии продолжает играть постмодерн, основной заслугой постмодерна является его участие в формировании сознания современного поколения, в преодолении догматических и стилевых правил культурного формотворчества. Универсальность и вариативные возможности комбинации, как основной формы постмодернистской культуры и игры, как основной формы ее репрезентации обеспечивают постмодерну стабильное существование, хотя бы в формах художественной культуры. Формирование индивидуального мировоззрения современного человека уже не требует программной ориентированности и гораздо тяжелее поддается целенаправленному культурному воздействию со стороны социальных институтов. «Полувиртуальность» социокультурного существования современного человека становится нормой социальной жизни, а массовая культура позволяет чувствовать себя в «кипящем котле глобализующегося мира» компетентно и комфортно.

Глобализация, возможность выбирать удобный для себя способ существования, критическое отношение к собственной культурной традиции и истории, позволяет расширить круг духовных исканий современного человека, что особенно актуально для городской образованной молодежи. И здесь наступает очевидное противоречие со сложившимися механизмами культурной трансляции, которые реализует классический музей (и система образования). Молодого человека в большей степени интересует процесс не столько познания, сколько самопознания; то есть информация «извне» теряет свое аксиологическое значение постольку, поскольку адекватно не поддерживает информацию «изнутри».

Рассмотрим, например, ситуацию экспонирования археологических объектов на Аркаиме, сегодня они приобрели огромную популярность, какой не может похвастаться археологическая коллекция нашего музея. Большинство экскурсий в Аркаим организуются не историками, не музейщиками, а людьми, занятыми самопознанием и самосовершенствованием, и предлагающими этот путь другим, конечно, среди этих людей есть и алчные шарлатаны, и это осознается экскурсантами, но и они удовлетворяют потребность молодого человека в духовном выборе. Поэтому в Аркаиме не играют в научно-познавательные игры, не пекут доисторический хлеб или ткут на архаичном ткацком станке, а медитируют и предлагают другим духовным практикам. Не последнее место в социальной рекламе имеет и адресность, экскурсии предлагаются действительно заинтересованным посетителям, а их количество, в свою очередь, увеличивается благодаря многочисленным публикациям, видеосюжетам, привлечению к проблеме специалистов, как компетентных, так и не совсем, околонучным спекуляциям и грамотно организованным поездкам. Не последнюю роль играет вписанность аркаимского комплекса в природную среду, не только с рекреационной точки зрения, но и с ценностно-этической: посетитель ждет не консервации объекта, но продолжения его существования, живой может учиться только у живого, живое должно жить, а не служить нашему бесстыдному любопытству. И вот эта, последняя точка зрения зачастую соответствует тому, как мыслит и что видит думающая часть молодежи, надежда нашей национальной культуры, которую не привлекать в музей и обидно, и грешно.

Но главная проблема противостояния музея общим культурным процессам - его эскапистская природа, создание сакрально упорядоченной территории, островка Золотого века, хранящего фундаментальные ценности, островка безвременья в постоянно меняющемся мире. В век развития высокоинформационных технологий можно говорить о создании еще одной субкультуры, ее носители позиционируют ее, как «элитарную», противопоставляя как откровенно массовой, так и новым тенденциям, ценность которых не проверена временем, наряду с любовью к академическому искусству (что представляет наибольшую гордость носителей этой субкультуры, считается, что это требует больших интеллектуальных усилий, хотя, по-моему, только дело привычки) проповедуют моральную стерильность, частичное возвращение к социальной модели традиционного общества (буржуазный патриархат), подозрительно относятся к культурной диффузии и - особенно - к поискам человека своего места в мире вне сложившегося социума. Для этой субкультуры характерно жесткое разграничение приемлемого и неприемлемого, причем в качестве эталона используется собственное представление о прекрасном или же личный опыт. Часто носителями означенной субкультуры выступают представители старшего поколения,

получившие высшее гуманитарное образование, причастные к работе с официальными структурами, имеющие представление о профессиональном создании произведений искусства. Академизм, профессионализм и официальность - довольно близкие понятия, есть соблазн их перепутать. И действительно, если классическая музыка-живопись отвечает всем трем, то уже поэзия (любая) может запросто под одно из этих понятий не подпасть, поэтому современная литература или выпадает из контекста данной субкультуры, или откровенно не дотягивает до профессионального уровня.

Стоит задаться вопросом, чего мы - работники музея - хотим в действительности? Если мы всегда готовы «нести свет в массы», неплохо представлять себе страшную пропасть, отделяющую нас не только от этих самых масс, но и от ныне живущих деятелей культуры - искусства и науки, представителей молодежных субкультур и религиозных деятелей, создателей живой уличной культуры и студийных экспериментаторов. Создание научных абстракций, одной из которых является музейное собрание, неизбежно и необходимо при использовании методов формальной логики, однако и исследователь, а тем более хранитель коллекции, подвержен чисто человеческому желанию побега от реальности, построению своего микрокосма, но такой микрокосм, устроенный из реальных документальных и вещественных феноменов определенной культуры, грозит всегда быть обернутым внутрь себя, функция трансляции таким музеем не выполняется, ибо трансляция превращается в рефлексию. Надо признать, музейные работники отлично осознают проблему и пытаются создать ориентированные на молодежь экспозиции и мероприятия, но, к сожалению, пользуются ими методами массовой культуры, что отталкивает читающую городскую молодежь, или работают с позиций академизма, игнорируя современные культурные реалии. Хотим ли мы сознательно увеличить этот разрыв, возводя эскапизм в принцип существования и неумело прикрыв его желанием сохранить «истинную культуру»? Или же признаем необходимость создания синкретических форм социокультурных институтов?

Например, музей как крупный культурный центр, кроме постоянной экспозиции и выставочного комплекса, имеющий концертный зал, где проводят РАЗНООБРАЗНЫЕ выступления - от академического романса до индастриала (к примеру), камерные театральные постановки и поэтиско-бардовские посиделки в «кухонном» варианте с бокалом вина (не надо излишнего ханжества, лучше продумать вопрос охраны), открытый читальный зал в пределах экспозиции (да, есть у музея библиотека, но о ней мало кто знает), постоянно работающие кружки и секции для желающих, и для них свободное от витрин помещение, где можно не стеснять себя в движениях, там же организовывать диспуты, сеансы медитации, вечера совместного музицирования и пр. И это даже не новация - все эти формы культурной деятельности возникали в синкретическом единстве, и наш музей, появившийся в результате деятельности УОЛЕ, тоже существовал в союзе и с музыкальным кружком, и с библиотекой, и с рядом других общественных и благотворительных организаций. Эти далеко не новации требуют денежных вложений, достаточно только изменить отношение к цели своей деятельности, от культуртрегерства обратиться к настоящему диалогу, отбросить оценочное отношение к меняющейся ситуации, но исследовать ее, признать, что и дилетант вносит свой вклад в культуру, и профессионал - тот, который за деньги, - работает для него, для которого искусство - источник удовольствия. И не бояться молодежных (и не молодежных) движений, экспериментирующих с измененными

состояниями сознания, в конце концов, именно они всегда составляли оплот традиционных культур - как узаконенное бегство от социальной структуры и как источник ее идеологии: монашеская аскеза и шаманизм, психоделия 70-х и экстремальные виды спорта, свободная любовь, эротика и традиционные гадания, тибетские духовные практики и праздничное срамословие. Коли мы допускаем наличие культурной диффузии, то надо признать и смещение этого элемента, цементирующего культурное существование человека. Ну и последнее, современному музею необходим виртуальный, интерактивный выход, не только работающий сайт и форум, но грамотные PR-акции в СМИ, прежде всего в Интернете, а также создание виртуального музея, возможно, в полуигровой форме; возможность виртуальной прогулки по фондам и коллекциям также представляется мне хорошей идеей. Сохранять традиции - очень благородно и полезно, но наилучшим образом традиции сохраняются там, где живут, поддерживаются постоянно. Живое всегда, в известной мере, вариативно и способно поддержать баланс между влиянием извне и своим внутренним состоянием. Чтобы стать жизнеспособным, музей должен перестать быть закрытой системой. И, кто знает, может, нас ожидает новый музейный бум...

Н.Ю. Бердюгина, А.В. Слепухин
Екатеринбург

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС РОДА ЮПЛАНКОВЫХ В ВЕРШИНЕ (ПЕЛЫМСКИЕ МАНСИ).

Начатая нами в конце 2003 г. и продолжающаяся до сих пор исследовательская экспедиция «Манси – лесные люди» позволила нам узнать достаточно много о загадочном народе Урала – манси (в прошлом вогулов). Мы побывали в сохранившихся паулях (родовые поселения) на реках Пелым (Урай-паль, Овунья-пауль, Ультем-урай-пауль), Лозьва (Тресколье), в покинутом Суйват-пауле, нашли замысловатые рисунки на деревьях – катпосы, разыскали мансийские святилища и общались со старожилками-манси. Большой фотоархив собирался по крупницам, позволяя проследить «историю народа в лицах». Проводимые исследования позволили нам организовать выставки и конференции об этом народе в Екатеринбурге. В связи с исчезновением и вымиранием народа нам долго не удавалось приблизиться к сокровенному – шаманизму и культу богов. Экспедиции последних лет дали возможность соприкоснуться нам и с этой стороной жизни удивительного народа.

Отправляясь в январе 2007 г. в очередную мансийскую экспедицию на Север Свердловской области, мы не подозревали, что может существовать связь между строителями советского поселка железнодорожников Пелым, венгерским ученым Анталом Регули, жившим в первой половине XIX в. и польским врачом Эмилием Сенкевичем, сосланным на Урал царскими властями в начале XX в.

Поводов для нашего визита на Север было два. Первый – по нашим сведениям здесь должны были проживать несколько манси, с которыми мы планировали познакомиться, продолжая изучение исчезающего народа. Второй, чисто практический, выяснить возможность заброски вверх по Пелыму для дальнейшего сплава по таяющей реке до поселка и поиски катера, на котором можно добраться до Пелымского тумана – легендарного озера, с которым связано большое количество мансийских легенд и преданий.